

РИТМЫ ЗАБВЕНИЯ, ИЛИ К РОЛИ ТИНЭЙДЖЕРОВ В РАЗВИТИИ КУЛЬТУРЫ*

Статья посвящена некоторым механизмам структурирования времени в культуре, то есть технологиям выстраивания структуриности историко-культурного времени. Организация этого времени по существу есть обнаружение архитектуры Границы (по Х. Плеснеру), примененной в темпоральном аспекте. Основная мысль статьи состоит в том, что структура культурной памяти формируется волнами интеллектуальной моды, которые связываются со сменой поколений в соответствующих институтах, включая смену поколений не только и не столько среди тех, кто принадлежит к корпусу профессионалов, занятых производством культурной продукции, но и тех, кто составляет публику, воспринимающую и оценивающую результаты. Сегодня исключительную роль в публике начинают играть тинэйджеры.

Ключевые слова:

забвение, интеллектуальная мода, культурная память, память, парадигма, ритм, профессионалы, публика, тинэйджеры.

Пигров К.С., Султанов К.В. Ритмы забвения, или к роли тинэйджеров в развитии культуры // Общество. Среда. Развитие. – 2015. № 3. – С. 138–144.

© Пигров Константин Семенович – доктор философских наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург; e-mail: kspigrov@yandex.ru.

© Султанов Константин Викторович, доктор философских наук, заслуженный деятель науки РФ, профессор, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург; e-mail: child2000@bk.ru

*«В те дни, когда в садах Лицея
Я безмятежно расцветал,
Читал охотно Апулея,
А Цицерона не читал...»
А.С. Пушкин*

Статья посвящена механизмам констеллирования времени в современной культуре, точнее – генезису структуры историко-культурного времени. Организация этого времени по существу есть обнаружение архитектуры Границы (по Х. Плеснеру) [14], примененной в темпоральном аспекте. Основная мысль исследования состоит в том, что структура культурной памяти формируется волнами интеллектуальной моды, которые связываются со сменой поколений в соответствующих институтах, включая смену поколений не только среди тех, кто принадлежит к корпусу профессионалов, занятых производством культурной продукции, но и тех, кто составляет публику, воспринимающую результаты [24]. Мы будем говорить по преимуществу о гуманитаристике, особенно о литературе, истории и философии, как они представляются молодежи и особенно подросткам, тинэйджерам (12–17 лет) в социальных институтах образования и СМК. Но та

темпоральная модель, которая здесь анализируется, действует и в других областях – в науке, в искусстве и т.п.

Коллективная память в различных областях культуры представляет собой весьма сложный феномен [2; 5; 20; 21]. Память по преимуществу не континуальна, а структурна, дискретна. Для осуществления процесса/экссесса памяти столь же важно что-то забыть, как и что-то помнить. Запоминание и забывание – это процедуры в первую очередь не столько рассудочно-интеллектуальные, сколько эмоционально-волеитативные. Что мы не хотим помнить, не позволяем себе помнить? Есть вещи, которые, к примеру, «знать стыдно» – как в личном, так и в общественном плане. Что касается нашей философии и литературы, например, то успешный профессионал-гуманитарий в России не хочет помнить «Что делать» Н.Г. Чернышевского или «Материализм и эмпириокритицизм» В.И. Ленина. Ориентированный на карьеру профессионал «не понимает», зачем в XXI в. необходимо помнить «Программу КПСС» (1961) [15]. (Некоторые принципы аналитики данной проблемы см. [16, с. 8–17]).

Таким образом, память содержит в себе не только рационализуемые моменты

* Исследование поддержано грантом РФФИ № 13-06-00775а «Тинэйджеры в обществе риска: социокультурная аналитика идентификации и самоидентификации».

аполлонического, но и моменты дионисийного. Потому она не только «процесс», но и «эксцесс». Забывание предстает как один из самых существенных моментов присутствующего в любую эпоху культурно-исторического феномена, который ассоциируется с *нигилизмом*.

Народу, т.е. основной массе населения, включающей как старых, так и молодых, как принадлежащих к «среднему классу», так и простых труженников в низших слоях, вообще свойственно бояться истории [23, с. 103–106]. Как преодолеть страх перед историей? Испытанная технология преодоления страха состоит в *забвении*. Последнее всегда составляло важный момент своеобразной общенациональной «терапии», позволяющей преодолеть страх перед неизвестным будущим. Народ, думая, что он возвращается к старому, на самом деле ступает в неизвестное новое. Особая роль в том, чтобы сделать этот шаг в будущее отводится молодежи, а в конце XX – начале XXI в. всё более значимы здесь оказываются тинэйджеры, подростки подростков [4; 6; 8; 22]. Тинэйджеры просто не могут помнить того, чего они не знают. Потому им «ничто не страшно». Революционные движения XX, начала XXI вв. продемонстрировали их возросшую роль в деле социальных перемен. Памятны и хунвейбины «культурной революции» в Китае, и «цветные революции» начала XXI в.

Реакция на страх народа перед историей в интеллектуальных элитах, с которыми блокируются, к которым влекутся молодежь и подростки, предстает как культивирование своеобразного искусства забвения. Последнее, поскольку оно осуществляется в социокультурных процессах, становится важнейшим условием возможности творчества. В эпохи исторических сдвигов, в «творческие периоды» истории возникает своеобразная апология забывчивости.

Реакция на страх народа своеобразно модифицируется и властными элитами. Одной из главных забот власти в этом аспекте является целенаправленное цензурирование прошлого. Оруэлл в своей антиутопии представил такую цензуру прошлого в предельно наглядной [13]. Однако власть не обязательно должна учреждать «Министерство правды», которое злоумышленно «подчищает» историю. Практика показывает, что вполне достаточно целенаправленного преподавания истории в школе [19], и настольчивого выведения на первое место истори-

ческого действия тех социальных слоев, которые просто *не могут знать истории* во всем её многообразии, а потому и не могут её бояться. Это и есть молодежь, а для начала XXI в. – особенно подростки, для которых органичны настроения футуризма и презентизма [17]. Те или иные механизмы организации забвения в социуме не являются результатом какого-то продуманного расчета властных элит, озабоченных самосохранением. Перед нами, скорее, бессознательные социокультурные реакции общественного организма на трудности исторического развития. Аналогичные механизмы мы видим не только в гуманитарной и социально-политической сфере, но и в области галилеевой науки.

Применительно к естествознанию близкую ситуацию с диалектикой памяти и забывания в других терминах описал Т. Кун в работе «Структура научных революций» [11]. Если «нормальная наука» стоит на удерживании в памяти всего корпуса принадлежащих к данной парадигме знаний и в «решении головоломок» на основе этой памяти, то научная революция, переход к другой парадигме, характеризуется провалами забвения. Чтобы освоить новую парадигму, необходимо радикально отмежеваться от неё, лучше всего прочно «забыть» старую парадигму.

В определенном смысле рубеж памяти представляется как конфликт между *чтением* и *письмом*. В «нормальные периоды» развития науки люди по преимуществу читают, они *осваивают* классические произведения, переиздавая, комментируя, толкуя, и на этой основе «решая головоломки», составляющие содержание нормальной науки. В методах познания царствуют экзегетика и герменевтика: здесь не пишут, а переписывают.

В традиционной и в галилеевой науке рубеж памяти представляется как конфликт между *чтением* и *письмом*. В «нормальные периоды» развития науки люди по преимуществу читают, они *осваивают* классические произведения, переиздавая, комментируя, толкуя, и на этой основе «решая головоломки», составляющие содержание нормальной науки. В методах познания царствуют экзегетика и герменевтика: здесь не пишут, а переписывают.

Фундаментальная пропись преимущества образования, являющегося необходимым момент науки, состоит в том, что прежде чем писать новое, нужно в чтении «осваивать накопленные мудрыми интеллект-

туальные богатства». Напротив, в периоды научных революций – качественных парадигмальных сдвигов в знании – люди начинают по преимуществу писать. Г. Форду, по общему мнению, принадлежит афоризм «история – это чепуха». И этот тезис касается не только технического прогресса, но и по существу всех собственно новоевропейских областей духа. В период научной и технической революции нужно в первую очередь освободиться от «накопленных богатств». Так поступил Р. Декарт, сформулировав свою программу в «Правилах для руководства ума» [7], где предполагалось выгрузить за борт всю накопленную за тысячелетие традиционную философскую и научную культуру. Также через несколько столетий пытались поступить и кубофутуристы, а за ними – деятели Пролеткульта, призывавшие:

«Только мы — лицо нашего Времени. Рог времени трубит нами в словесном искусстве.

Прошлое тесно... Бросить Пушкина, Достоевского, Толстого и проч. и проч. с парохода Современности» [3].

К такому же подвигу, по существу вторя кубофутуристам, призывает сегодня Э. Лимонов: «Утверждаю, что именно потому, что Россия потребляла Чехова, Толстого, Пушкина, Достоевского в лошадиных дозах, именно поэтому мы отстала, терпящая поражение за поражением держава. И не только потребляла, но продолжает потреблять – обсасывает, измусоливает, смакует, распространяет в киноверсиях и в плохих пьесах. А оттуда, из XIX века, нам подспудно диктуется (как пассы гипнотизера, его монотонный голос, отсчитывающий счет) мировоззрение XIX века» [12].

Для того, чтобы тексты могли объединять людей, они должны быть одновременно и *явными*, и *тайными*. Парадигма у Т. Куна соединяет в себе явность и тайну. Например, философский текст, с одной стороны, *явен*: каждый может купить его в магазине, взять в библиотеке или скачать из Интернета. Знание философских текстов преподают на философском факультете, проверяют владение ими на экзаменах. Но, с другой стороны, даже если зачет по Хайдеггеру сдан, это вовсе не есть свидетельство того, что смысл данного произведения «освоен». В этом плане данный текст всегда продолжает сохранять момент *тайны*.

Для наиболее активной части каждого поколения может быть указано некое произведение, которое в определенном смыс-

ле является ключевым, образцовым для всех других текстов. Скажем, для русских марксистов таким произведением являлся перевод «Капитала» К. Маркса. Освоение ключевого текста новым поколением по своей социально-философской природе предстает как специфическая инициация в профессиональном сообществе. Труднодоступность, т.е. тайность – необходимый постулат для сплочения философского «незримого колледжа» в определенном поколении. «Нас мало избранных, счастливых праздных», которые могут позволить себе, к примеру, роскошь читать «Бытие и время» Хайдеггера (в переводе В.В. Библихина) и понимать, что там написано.

Овладевая текстами, люди в плане «нормальной науки» оказываются в аномальных отношениях. Они соревнуются за место в иерархии философского сообщества с помощью демонстрации своего владения «зачетными» текстами. Философский процесс предстает как более или менее организованное соревнование в освоении определенного набора произведений. Принимая участие в коллективном философском процессе, – процессе, совершенно необходимом для констелляции определенной философской культуры, – мы вступаем в томительную тяжбу со временем, характеризующим новоевропейский социальный институт философии на стадии «нормальной науки», т.е. в рамках безраздельно господствующей парадигмы. Одной из главных задач в рамках «нормальной науки» является ограничение количества необходимых для освоения текстов. На уровне коллективного решения, не всегда отчётливо артикулированного, обозначаются книги, которые, с одной стороны, читать «необходимо», и, с другой стороны – книги, которые *можно не читать*.

Очевидно, существуют книги, которые не пользуются научным авторитетом «в мире», хотя формальных запретов для их чтения нет. В науке и в высшем образовании современной России наиболее существенной оказывается ориентация на мнение западного научного сообщества. Так, например, сегодня не пользуются общепризнанным на Западе авторитетом Л.Н. Гумилев или Б.Ф. Поршнев. Соответственно, можно наблюдать, как это мнение западных коллег воспринимается частью научной общественности в России, составляющей научный истеблишмент. Соответственно, эту позицию истеблишмента сознательно и бессознательно усваивает и амбициозная, ориен-

тированная на успех молодежь, в том числе и подростки.

Старшие школьники, студенты, аспиранты в процессе изучения философии – «лакмусовая бумажка» для того, чтобы показать, как складывается неформальная оценка книг в научном сообществе. Причем, если в более зрелых когортах учащихся, например, у аспирантов, важную роль играет рациональная аналитика, то для школьников-тинэйджеров на первое место выходят эмоциональные оценки, усваиваемые на основе механизмов импринтинга. Учитель, к примеру, уверяет старшеклассников, что произведение А. Смита «Рассуждение о природе и причине богатства народов» не только в плане политэкономии, но и в плане истории и социальной философии не менее важно и значительно, чем «Капитал» К. Маркса или «Путь к рабству» Фридриха Хайека. Разумеется, никакого прямого запрета на чтение А. Смита нет, но вокруг него в среде учащихся-подростков, находящихся под сильным эмоциональным воздействием СМК, создается ареол «устаревшего». Наиболее дерзкие школьники признаются, что А. Смита не только не читали, но и читать не собираются. Зачем?! Точно так же в ответ на восхищение учителя «Автобиографией» Ч. Дарвина в переводе К.А. Тимирязева тинэйджеры дают понять, что это произведение не будут читать никогда. Они также считают его «устаревшим», «неважным», «неинтересным», «скучным». Другое, мол, дело, например, книга Дж. Уотсона «Двойная спираль»! Старшеклассники чувствуют, что они вслух, «якобы дерзко», выражают некоторую позицию, которая витает в амбициозном слое сообщества молодых профессионалов, присутствующих на телеэкране. – Хочется походить на них, а не на нашего «пожилого» и явно не достигшего успехов в науке учителя!

В коллективной памяти формируется межгрупповой агон, соревнование не только отдельных индивидов, но и определенных групп в сообществе, – поколений. Старшее поколение нынешних российских гуманитариев и школьных учителей было воспитано на произведениях К. Маркса, В.И. Ленина. Знание текстов «классиков марксизма-ленинизма» являлось, по крайней мере до 1985 г., непременным условием вхождения в профессиональное сообщество. Когда у руля профессионального корпуса оказались приверженцы других парадигм, то Маркс потерял роль пароля, знание которого обеспечивает вхождение

в научно-образовательное сообщество. На знамени нынешнего молодого поколения пишут теперь другие имена, скажем, З. Фрейд, М. Хайдеггер, Ж. Деррида, М. Фуко. Структура времени в социальном институте культуры конструируется через динамику неформальных литературных предпочтений тех или иных значимых авторов.

Конкретным орудием структурирования времени в литературе, философии, как и в других институтах культуры, оказываются механизмы *моды*. Если говорить несколько упрощенно, то она разделяет старшее и младшее поколения. Молодежь, а уж тем более подростки, не только не помнят того, что помнят старики, но и не хотят этого помнить. Если иметь в виду иерархическую лестницу, так или иначе присутствующую без исключения во всех социальных институтах культуры, то мода предстает как мощное оружие в борьбе «молодых слабых» против «старых сильных». мода представляет собой оружие ещё не вполне утвердившейся молодежи против захвативших ключевые высоты в социальном институте «стариков». Философская мода, если взять ее дидактический аспект, стимулирует агон, который не сводится только к состязанию по владению теми текстами, которые уже усвоены старшим поколением. Философская мода побуждает к освоению новых текстов, позволяет в старых текстах открыть новые смыслы.

Мы говорили о книгах, которые в научно-гуманитарном сообществе «можно не читать». Однако в рамках культуры в целом существуют такие произведения, читать которые не только «не нужно», но – «вредно» или даже «запрещено». Проблема «вредной книги», «запрещенной книги» интересна потому, что она позволяет выглянуть не только за пределы «нормальной науки», но и вообще, – за пределы «нормы» в культуре. «Вредная книга» в самом абстрактном виде указывает горизонты других парадигм. Причем эти горизонты вызывают ужас. Возникает эмоциональное отторжение – стремление некоторые тексты «не знать». Здесь обретают силу педагогические технологии ограждения молодого поколения от нежелательной информации, технологии конфессионально-религиозных запретов [10]. Если молодого человека – или христианина, или «человека вообще» необходимо «ограждать» от некоторого «плохого» знания, то это означает, что опасность такого «знания» имеет основание не толь-

ко в самом знании, но и в самом человеке, внутри которого скрыто определенное «зло». Такая посылка тематизирована в Евангелии. В Послании апостола Павла к Титу (гл. 1, ст. 15) сказано: «Для чистых все чисто; а для оскверненных и неверных нет ничего чистого, но осквернены и ум их и совесть».

Новоевропейский принцип свободы распространения информации, и главное – сама новоевропейская антропология претерпевают суровое испытание, если в качестве аксиомы (педагогической, религиозной или государственной) артикулируется тезис о самой возможности существования «запрещенных материалов». Скажем, в Российской Федерации к запрещенным относятся книги, проповедующие экстремизм. Существует «Федеральный список экстремистских материалов», распространение которых преследуется юридически. Хотя такого рода список можно найти в Интернете [24], но, похоже, что и сам «Список экстремистских материалов», если и не включается в самого себя, то, по крайней мере, «не рекомендован» к широкому распространению.

Парадоксальность запрещенного текста состоит в том, что самим фактом запрета, он привлекает особое внимание и вызывает особый интерес именно тех групп населения, которые особо чувствительны к запретному, т.е. к иным парадигмам, к новизне, к эзотерическому. К таким группам и относится как раз молодежь и особенно подростки. Суть запрещенного произведения состоит в том, что оно принадлежит к другой парадигме культуры и/или – к другой парадигме бытия. Ядром такого рода запретов, накладывающихся на конфликтную диалектику взросления, несомненно, является сексуальная сфера. Сам эксцесс запрета и его нарушения лежит в координатах аполлонического/дионисийного. У К. Гельвеция, существовавшего в духовном контексте французского XVIII в., где эротика играла весьма существенную роль, мы читаем: «Хорошая книга – запрещенная книга». Через двести лет Венедикт Ерофеев иронически обыгрывает парадоксальность табуированности текста вообще:

«Во вступлении к первому изданию я предупреждал всех девушек, что главу “Серп и молот – Карачарово” следует пропустить, не читая, поскольку за фразой “и немедленно выпил” следует полторы страницы чистейшего мата, что во всей этой главе нет ни единого цензурного слова, за исключением фразы “и немедленно вы-

пил”. Добросовестным уведомлением этим я добился того, что все читатели, особенно девушки, сразу хватались за главу “Серп и молот – Карачарово”, даже не читая предыдущих глав, даже не прочитав фразы “и немедленно выпил”» [9].

Новоевропейская наука, культура, гуманитаристика по определению свободные сообщества, где в наибольшей мере реализован демократический идеал, а потому здесь абсолютного запрета на чтение и цитирование такого рода материалов не предполагается. Разграничение в обществе проводится по линиям возрастным и профессиональным: «старше 18 лет» и «младше 18 лет», а также – «специалисты» и «широкая публика». Возрастные ограничения предполагают медицинско-педагогическое обоснования. Психолог, очевидно, не оценил бы иронические «предупреждения» В. Ерофеева по поводу того, что следует, и чего не следует читать девушкам, а обратился бы к аргументам, исходящим от инстанции «психического здоровья». Что касается экстремистской литературы, не зависящей от возраста читателя, то специалисты при обосновании перед государственными инстанциями научно-профессиональной необходимости в целях исследования всегда могут получить доступ к любым материалам, в том числе к тем, которые включены в «Федеральный список экстремистских материалов». Таким образом, сегодня «по умолчанию» осуществляется практика «двойственной истины», в которой обнаруживается рациональное, стабилизирующее социум ядро.

Борьба между «отцами» и «детьми» в различных областях культуры, выражающаяся и как интеллектуальная мода, и как идеологическое, «медицинское» (в смысле «защиты» молодого поколения от «тлетворных влияний» по преимуществу сексуального характера), религиозное противостояние, создает многообразную *ритмику развития культуры*. Важную роль в этом ритме играет то обстоятельство, что молодое поколение способно «забывать» уроки отцов. Это забвение предстает, с одной стороны, как «нежелание учиться», как «лень школьников», а с другой стороны – как, напротив, стремление приобщиться к тайнам взрослости, по преимуществу эротического характера, которую в школе не преподают. Здесь и обнаруживается непостижимая подверженность совершенно «легкомысленным» движениям моды в философии, искусстве, науке, образовании, а также к «запретной»

литературе. В самом деле, почему подросток Пушкин «не хочет» читать Цицерона, а «хочет» читать Апулея? За рациональной «необъяснимостью» этого стоит некоторая стихия, которую аполлонически выразить невозможно.

За данной странностью скрывается нечто весьма значительное и, в конечном счете, позитивное, «жизнеутверждающее»: включение подростков и молодежи к «настоящей» жизни, которая видится как причащение к тайнам пола, а также в стремлении к участию в политической жизни, где им, чаще всего, уготованы позиции «протестности». Этот дионисийский порыв молодежи и подростков и подстегивает ритм исторического развития: молодежь и подростки теснят стариков и зрелое поколение, подталкивая «колесо истории».

Вообще говоря, в самой общей форме связь негативности и ритма обнаруживается уже в «Екклесиасте»: «Нет памяти о прежнем; да и о том, что будет, не останется памяти у тех, которые будут после.» (I; II), «Идет ветер к югу, и переходит к северу, кружится, кружится на ходу своем, и возвращается ветер на круги свои» (I; 6).

Чтобы пояснить смысл ритма в вековых колебаниях знания, памяти и забвения, обратимся к статье С. Аверинцева, где автор, в частности, сравнивает два верлибра: один классический Франца Грильпарцера (1791–1872), другой – модернистский Петера Хандке (1942 г.р.). [1]. С. Аверинцев подчеркивает контраст, который лежит «глубже, чем внешние атрибуты историко-литературных эпох». Этот контраст обусловлен тем, что «у Грильпарцера – четырехстопные хорей, а у Хандке – проза, и притом проза нарочито, подчеркнута аморфная». У Петера Хандке появляется то, чего не было у Ф. Грильпарцера: «полное отсутствие дисциплины, человеческой выдержки и осанки, нужной, как всегда считалось, именно перед лицом жути. Что бы ни приключалось с героем Грильпарцера, – но за одной хорейской строкой непременно последует другая, и так будет до конца драмы; примерно так, как после нашей смерти будут до конца мировой драмы продолжаться сменяться времена года и возрасты поколений, каковое знание, утешая нас или не утешая, во всяком случае, ставит на место и учит мужеству» [1].

Ритм поэтического произведения, таким образом, открывает нечто более существенное, чем непосредственное его

содержание. Аверинцев противопоставляет, с одной стороны, банальность фабулы «Евгения Онегина» и с другой – величественный ритм Онегинского ямба. Вот также и негативизм молодежи, открывающей для себя дионисийное, так или иначе выраженный, задает ритмическую структуру жизни и интеллектуальной истории. Ритмическое чередование негаций, исходящих от молодого поколения в той или иной интеллектуальной сфере определяет то, что словами Сергея Аверинцева можно выразить как, с одной стороны, контрапункт «содержания», заданного человеческим голосом индивидуальности автора, и, с другой стороны – «формы», выраженной как ритмические отрицания. Эти последние и определяют – наличный («органный», – с присутствием «инфразвука!») фон для этого голоса, они задают, так сказать, «музыку сфер».

Если брать гуманитаристику как целое в её историческом развитии, заданном ритмом утверждений и отрицаний, то здесь открывается, что гуманитаристика – это не только арена, ристалище агона, где скрещиваются индивидуальные честолюбия в благородных поединках интеллектуального понимания. Гуманитаристика выражает трансцендентную радость бытия, отнюдь не сводящаяся к способам «аполлонически» торжествовать над соперником. Поэтому гуманный, участвуя в ритмических играх моды и классики, помнит о духовном спокойствии, атараксии подлинного философствования в широком смысле как высшей ценности, обнаруживая за ней подлинную жизнь. И современные тинэйджеры, оказавшиеся над пике перехода от Гуттенберговой галактики к преобладанию машинно-компьютерного слова, неожиданно для самих себя заняли ключевую позицию. Им не нужно «забывать» Гуттенберга. Они его просто поверхностно и плохо знают, вроде того, как они плохо знают «Краткое содержание “Войны и мира”», которое читается в Интернете за 15 мин. В то же время подростки, это «гаджетированное поколение», интуитивно и легко схватывают логику виртуально-компьютерного мира.

Получилось так, что индустрия массового духовного продукта ныне *вынуждена* смотреть на мир глазами подростков. Ибо именно последние в своей массе принимают решения о покупке того или иного культурного «товара». «Прирожденные заслуги» тинэйджеров выражаются пока по преимуществу в вульгарных формах коммерциализации культуры. В итоге

духовная жизнь общества модифицирует свое содержание, часто двигаясь по пути «варваризации». Как бы там ни было, но в XXI в. подростки в своей массе оказались авангардом в освоении машинно-компьютерного слова. Они чрезвычайно восприимчивы к новизне и в значитель-

ной мере аранжируют новаторское начало в современной культуре, поскольку не несут тяжелого бремени необходимости забвения. И старшие поколения вынуждены, вольно или невольно, включаться в те императивы, которые предлагают им подростки.

Список литературы:

- [1] Аверинцев С.С. Ритм как теодицея // Новый мир. – 2001, № 2. – Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://www.philology.ru/literature1/averintsev-01.htm> (10.09.11)
- [2] Бергсон А. Две формы памяти. – Интернет-ресурс. Режим доступа: [http://flogiston.ru/library/bergson\(01.08.15\)](http://flogiston.ru/library/bergson(01.08.15))
- [3] Бурлюк Д., Бурлюк Н., Крученых А., Маяковский В., Хлебников В. и др. «Пошечина общественному вкусу». Манифест кубофутуризма // Манифесты кубофутуристов. – Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://silverage.ru/pkubo/> (06.08.15)
- [4] Весна Е.Б. Особенности развития смысловой сферы подростка. – Петропавловск-Камчатский: Изд. Камчатского гос. ун-та. 2007. – 189 с.
- [5] Гуссерль Э. Феноменология внутреннего сознания времени // Эдмунд Гуссерль. Собр. соч. Т. 1. – М., 1994. – 192 с.
- [6] Дебес М. Подросток. – СПб.: Питер, 2004. – 126 с.
- [7] Декарт Р. Правила для руководства ума / Пер. М.А. Гарнцева. – Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://log-in.ru/books/pravila-dlya-rukovodstva-uma-dekart-rene-filosofiya/#read> (27.11.14)
- [8] Дольто Ф. На стороне подростка. – Екатеринбург: У-Фактория. 2006. – 356 с.
- [9] Ерофеев В. Москва – Петушки. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2014. – 192 с.
- [10] Книги, запрещенные РПЦ. – Интернет-ресурс. Режим доступа: http://www.liveinternet.ru/users/avadatta_devi_dasi/post214065437/ (01.08.15)
- [11] Кун Т. Структура научных революций / Пер. с англ. И.З. Налетова. Общ. ред. и послесловие С.Р. Микulinского и Л.А. Марковой. – М., 1975. – 288 с.
- [12] Лимонов Э. Трупный яд 19 в. – Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://froloddd.livejournal.com/19847.html> (10.05.10)
- [13] Оруэлл Дж. 1984. Роман. Скотный Двор: Сказка-аллегория. – М.: АСТ: АСТ Москва, 2009. – 368 с.
- [14] Плеснер Х. Ступени органического и человек: Введение в философскую антропологию / Пер. с нем. – М.:РОССПЭН. 2004. – 368 с.
- [15] Программа Коммунистической Партии Советского Союза // КПСС в стенограммах, документах и материалах: Сборник выступлений, документов и материалов. – М.: Госполитиздат, 1962. – 608 с.
- [16] Соломин В.М., Пигров К.С., Султанов К.В. Интеллектуальный потенциал в модусах футуризма и презентизма // Аксиология массовой культуры: материалы XXI Международной конференции «Ребенок в современном мире. Детство и массовая культура» / Гл. ред. К.В. Султанов. – СПб.: Изд. Политехнического университета, 2014. – С. 8–17.
- [17] Тойнби А.Дж. Постижение истории. – М., Прогресс. 1991. – 736 с.
- [18] Федеральный список экстремистских материалов. – Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://politkovrov.opk.ru/viewtopic.php?id=34> (28.07.15)
- [19] Ферро М. Как рассказывают историю детям в разных странах мира. – М., 1998. – 351 с.
- [20] Хайдеггер М. Бытие и время. Перевод В.В. Бибихина. – М.: Академический проект. 2013. – 460 с.
- [21] Шевцов К.П. Продолжение в другом. (Реконструкция медиа-пространства). – СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2009. – 216 с.
- [22] Шурухт С.М. Подростковый возраст: развитие креативности, самосознания, эмоций, коммуникации и ответственности. – СПб.: Речь, 2006. – 111 с.
- [23] Элиаде М. Космос и история. – М.: Прогресс, 1987.
- [24] Яусс Х.Р. История литературы как провокация. – Интернет-ресурс. Режим доступа: http://www.libok.net/writer/14437/kniga/62670/yauss_hans_robert/istoriya_literaturyi_kak_provokatsiya/read/8 (17.04.14)